

Самойлов Давид

11.5.95.

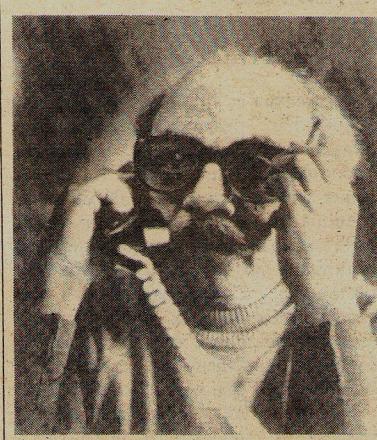
Некоторые исследователи творчества Давида Самойлова считают, что к сосредоточенной работе над прозой подвигнули поэта обстоятельства, связанные с его подписью под письмом в защиту Ю.Галанского и А.Гинзбурга в 1968 году. Во многом это действительно так. Поэтические его публикации с момента подписи на некоторое время прекратились. Давид Самойлов не мог тогда знать, на какое именно время. Возможно, надолго. Оказавшись в 1969 г. в больнице, поэт делает первые наброски к своей будущей мемуарной прозе. В такие периоды жизни многие литераторы обращаются к мемуарам. Ведь мемуары — это не столько воспоминания, сколько подведение итогов. Для одних — жизненного, для других — творческого пути.

И все же причина обращения Самойлова к прозе, на мой взгляд, не только и не столько в этих драматических обстоятельствах. Хотя бы потому, что «прозу» (дневники, записные книжки, очерки) он писал всю жизнь, с самого отрочества. В «Памятных записках» есть даже глава «Из дневника восьмого класса». Истоки самойловской прозы лежат не в обстоятельствах и «чертеждании литературных родов и видов», а в том, что по природе своей он, наверное, был прозаиком, а не поэтом. Здесь — главная драма жизни Давида Самойлова. Он страдал от того, что считал себя лишенным дара прозаика-повествователя. Возможно, он не хотел мириться со «средним» жанром, расположенным между поэзией и беллетристикой, — с тем, что называется эссеистикой. Самый, кстати, популярный в литературе XX века жанр. Порождена ли эссеистика общим, планетарным творческим бессилием века или же его чрезмерной склонностью к рефлексии? Всего этого Самойлов не мог не чувствовать — он был тонкий, трезвый, строгий человек и в поэзии, и в прозе.

Очевидец и участник литературной жизни 60-х годов говорил мне, что у известной части русской интеллигенции было в те времена два кумира: Арсений Тарковский и Давид Самойлов. Вот что пишет о Тарковском Самойлов в своих «Записках»:

Давид Самойлов. Памятные записки. М., «Международные отношения», 1995.

Русская мысль. - 1995. - Париж. -
11 мая. - с. 13.
Роман про себя

Давид Самойлов

Памятные
записки

«Сохранился лучше других, пожалуй, несколько жеманный и изысканный Арсений Тарковский, трансформирующий в поэзию нечто реальное — комплекс неполноценности. Не случайно в некоторых кругах интелигенции Тарковский последние годы принимается как первый поэт времени».

То же самое можно было бы сказать и о Самойлове. Не затрагивая такую деликатную вещь, как комплекс неполноценности, скажем, что Самойлов в неменьшей степени «трансформировал в поэзию нечто реальное». Что именно — непонятно. Это «непонятно» и пленило «некоторые круги интеллигенции». Это «непонятно» действительно было чем-то реальным.

Сближение Тарковского и Самойлова кажется мне и обоснованным, и все-таки странным. Дело, во-первых, в том, что сравнение этих двух поэтов не совсем «выгодно» для последнего: поэтическое дарование Тарковского несомненно богаче, и с этим ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, личность Тарковского целиком равна его поэзии и едва ли не исчерпывается ею. Явление же Самойлова глубже и больше его поэзии, при всей ее несомненной ценности.

Мы не можем не чувствовать, как истаивает его посмертная поэтическая слава... Поэзия Самойлова может забыться и остаться лишь фактом литературной истории, но имя его сохранится. «Памятные записки» тяжелей его предыдущих томов (и по объему в том числе). То, что он все-таки не смог выразить себя в поэзии, понимаешь по его прозе. Он был прежде всего мыслитель, мыслитель-художник, мыслитель-лирик, но не поэт. В прозе Самойлова едва ли не больше поэзии, чем в его стихах.

«Дом был моим миром, потому что все связи мои и все детские впечатления не выходили за его рамки. Дом был миром, имевшим свои очертания и границы. И как бы противоположностью ему было неосознанное понятие пространства. Пространство было то, что начинается за забором и простирается неизвестно докуда».

Это из главы о детстве. А его «Сны об отце», которые невозможно читать без острой, личной, только художником внушенной тоски!.. Читая «Памятные записки» Давида Самойлова, вспоминаешь невольно его стихи, ставшие когда-то популярной песней:

А в памяти моей
Такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...

Казалось, всех своих приятелей детства, родных, соседей по коммунальной квартире, всех своих друзей, врагов (вплоть до армейских старшин), предателей, собратьев по перу, кумиров, учителей — всех вспомнил Самойлов в «Записках». Он часто говорит, что друзья советовали ему не идти на фронт, оставаться жить, чтобы стать летописцем поколения... Поколения сороковых. Коган, Кульчицкий, Слуцкий и др. Что же это было за поколение (литературное поколение)?

«Мы считали поэзию делом гражданским. Гражданственность, по нашему убеждению, состояла в служении политическим задачам, в целесообразность которых мы верили. Предыдущее поколение в целом плохо решало эту задачу. Общим тоном были ходульность, поверхностность, льстивость, хвалебность. Высшее назначение литературы не могло быть выполнено таким бездарным способом... Предполагали, что руководство страны знает о положении в литературе и ждет пополнения искреннего и талантливого, способного понять и поэтически сформулировать политические задачи. Мы и готовились к этому».

«Вопрос о нравственной ответственности победителей обычно не ставился. И проблема нравственных последствий победы как исторического действия представляется еще более запутанной. (...) Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. (...) Я думаю, что вопрос этот надо решить, прежде всего сравнив на почве нравственной ответственности победителей и побежденных».

«Исповедью сына века» было называть «Памятные записки». Самойлов словно был обречен прожить весь советский период русской истории и умереть в самом его конце (1920—1990). «Памятные записки» — все же очень идеологизированная книга, даже тогда, когда ее автор борется с идеологией. У него был какой-то нюх на идеологию, даже на самую лучшую (это особенно чувствуется в его критических очерках о Солженицине), и, кажется, он всю жизнь недолюбил идеологию и страдал от нее. Но так и не смог ее изжить в себе. Даже его блестящий историко-литературный очерк «Литературное и общественное движение 50—60-х годов», включенный в книгу, целиком, от начала до конца пронизан идеологией. Наверное, в своей поэзии он спасался от снедающей всю его эпоху идеологии. И в своих главах о детстве он тоже свободен от нее.

Мысли Самойлова о еврейском элементе в русской культуре поразительно глубоки и точны. Таковы же и его рассуждения о понятии «интеллигенции». Остры, интересны, независимы, жестковаты, иногда даже злы его характеристики Эренбурга, Сельвинского, Мартынова, Слуцкого, Кирсанова, Евтушенко, Вознесенского, Бродского и др. Самойлов во многих (особенно в своих историософских рассуждениях) невнятен, иногда пресен, утомителен, но вкус ему не изменил ни на одной странице книги. Он ни в одной строке не отказался от своих друзей и ни в одной строке не льстил недругам.

Но чувствуется и какая-то отстраненность в «Записках» Самойлова. Отстраненность, отчужденность, и непрерывная ирония, добрая, злая или горькая, и сосредоточенная устремленность в прошлое, но и всегда бодрствующая внимательность к современности, к современности самой новейшей...

Не для «Памятных записок» ли Самойлов в последние годы своей жизни отошел от повседневной литературной жизни? Отсюда и отчужденность. Во имя «романа про себя»? Который он писал не только в последние двадцать лет.

«Спасался я от тоски и скучи тем, что сочинял в уме большой роман. Это был роман со многими персонажами, со сложными переплетениями судеб, роман — история поколения, который никогда не лег на бумагу и все же существовал — для одного читателя, для меня...».

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж

«Основная беда нашего военного поколения литературы в том, что большинство ее представителей в поэзии и прозе предварительное состояние ретроспективно оценивают как свое высшее нравственное достижение... «Военный период» по нравственному качеству не отличается от всех других времен литературы вослевания власти».

А страница через пятьдесят после этих строк глава «А было так...», о Польше в 1945 году, и следующая за ней — «Испытание победой». В «польской» главе Самойлов приводит записи из своего дневника:

«Приходя сдаваться немцы, группами и поодиночке. Маленький лысоватый кудрявый немец, давно не мытый, с гноящимися глазами. Он сдался от голода, его обыскали. Он попросил, чтобы оставили фото жены. Ему отдали фото. Партизанский мальчик Ванька Радзевский вызвался конвоировать этого немца до сарая, где содержались другие пленные. Он отвел его на несколько ша-